

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Публикация В.М. Крюкова

Оказалось, что даже специалисты-историки не знают дат жизни своего коллеги Александра Александровича Адрианова, поэтому сообщаем точную информацию со слов В.Д. Славнина: родился 13/25 августа 1882 г. в Томске, умер там же 11 декабря 1960-го.

М.А. Дэвлет, лучший знаток жизни и творчества Александра Васильевича Адрианова (1854-1920), археолога, этнографа, публициста, редактора-издателя «Сибирской газеты» (нелишне напомнить, что Потанин скончался в день, когда узнал о расстреле своего любимого ученика и многолетнего сотрудника), в своей статье «А.В. Адрианов как этнограф» уделяет внимание и его сыну: «Дети А.В. Адрианова, дочь Мария и сын Александр, намеревались каждый написать о жизни и деятельности отца. Мария в силу каких-то причин ограничилась только вводной частью, а Александр написал несколько глав будущей книги, так и не успев завершить задуманное. Он скончался в нищете и забвении. Последние дни Александра Александровича описывал проф. М.Ф. Косарев, в то время аспирант-археолог, в письме из Томска, адресованном семье: «Он тяжело болен, уже несколько месяцев прикован к постели, почти не в состоянии даже говорить. Лежит в какой-то конуре, отдает свою пенсию (300 рублей <до денежной реформы 1961 г. - МД>) какому-то мужику с теткой - они за ним ухаживают, но, кажется, не от чистого сердца. Родных у него нет <!>. Это посещение здорово испортило мне настроение. В воскресенье снова схожу к нему. Просил прислать к нему Шурку <Александр Косарев - младший брат Михаила Федоровича, ныне доктор философских наук - МД> с литературой о Сибири - пытается закончить обобщение богатейшего наследия своего знаменитого отца». В следующем письме из Томска М.Ф. Косарев сообщал: «Александр Александрович умер в воскресенье, так и не дождавшись клинического лечения». <...>

Главы из «Книги об отце» А.А. Адрианова публиковались в конце 1993 - начале 1994 г. на страницах газеты «Елань» (приложение к «Томскому вестнику»),

<...> Сохранились воспоминания Адрианова-младшего о том, как в отрочестве он играл в шахматы в доме Г.М. Кржижановского с В.И. Лениным, когда тот в период шушенской ссылки приезжал в Минусинск. Впечатляет, с каким внутренним достоинством и без малейшего намека на пиетет в отношении личности Ленина описывает Александр Александрович этот случай. И это в то время, когда зачастую было достаточно «вспомнить», что ты когда-то видел вождя хотя бы издали, чтобы безбедно прожить всю оставшуюся жизнь // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 9-10, 52, 31. Письма М.Ф. Косарева переданы им в распоряжение М.А. Дэвлет.

Подлинник воспоминаний: Томский областной краеведческий музей. Фонд Адриановых. № 11449/10.

Каждый минувший год, канувший в вечность, отделяет от событий, свидетелями которых пришлось быть еще ныне живущим. С каждым минувшим годом увеличивается всё более и более число прошедших лет и, вместе с этим, многое пережитое покрывается пеленой забвения.

Не то в зиму 1897-98 года, не то в зиму 1898-99 года, покинув стены и парту мужской классической гимназии в г. Красноярске, я готовился к экзаменам за пять классов экстерном.

Наша семья жила в г. Минусинске, где в те годы не было таких учебных заведений, как гимназия. Была женская, но и то не гимназия, а прогимназия. Для мальчиков имелись двухклассное приходское училище и трехклассное городское училище, по два отделения в каждом классе, и, кроме того, приготовительное отделение для начинающих. Мне, таким образом, пришлось совершать поездки для учения в Красноярск, до которого водным путем по р. Енисею на пароходе насчитывали 500 верст.

К экзаменам меня готовил Глеб Максимилианович Кржижановский. В те годы Глеб Максимилианович отбывал в г. Минусинске политическую ссылку по одному делу с В.И. Лениным-Ульяновым, только последний отбывал ссылку в с. Шушенском, того же Минусинского уезда.

Уроки Глеб Максимилианович мне давал всегда с утра. С моей старшей сестрой Марией занимался Феликс Яковлевич Кон. Она должна была держать экзамены тоже экстерном за 8 классов женской гимназии, а с младшим моим братом Григорием занимался Михаил Львович Стояновский. И Ф.Я. Кон, и М.Л. Стояновский также были политическими ссылными.

Иногда вместо Глеба Максимилиановича со мной занималась его жена - Зинаида Павловна Невзорова.

Я помню, испытывал огромное удовольствие, когда подвязывал и затягивал ремнями на ее ногах коньки. Зинаида Павловна и Глеб Максимилианович часто приходили на каток Общества попечения о начальном образовании на протоке у города. Мой отец, А.В. Адрианов, принимал ближайшее участие в делах этого Общества, и каток был его затеей.

Учебные занятия шли усиленным темпом. Не могу похвастать, я не отличался особым рвением к одолению гимназической премудрости, так что Глебу Максимилиановичу, наверно, доставлял много горьких минут. Но вот в одну из суббот я так хорошо знал уроки, что в награду Глеб Максимилианович говорит мне: «Приходи к нам завтра. Будем играть в шахматы».

Я в то время увлекался шахматами. Да и кто не увлекался этой древнейшей игрой? Ведь стоило хоть один раз поиграть, как уже снова тянуло к ним.

Можно представить, с каким нетерпением я ожидал наступления завтрашнего воскресения, чтобы отправиться к моему учителю. Я побежал туда, не дождавшись разгара дня.

Квартира, где жили Глеб Максимилианович и Зинаида Павловна, была мне очень знакома. В этой квартире несколько ранее жила и наша семья. Памятна она мне была и тем, что на этой квартире со мной занимался, готовя к экзамену за четвертый класс, Евгений Константинович Яковлев, тоже политический ссылный. Грустно вспоминать, но на этих экзаменах я позорно провалился. Держал я экзамены в Красноярской гимназии, в которой до этого учился. Гимназия считалась очень строгой. За разные провинности гимназистов из других гимназий переводили на исправление в Красноярскую гимназию. А уж что касается

юношей, державших экзамены экстерном, то к ним и вовсе относились строго и на экзаменах проваливали, что случилось и со мной. После занятий с Глебом Максимилиановичем я держал экзамены уже не в Красноярской, а в Томской гимназии, и сдал благополучно.

В этой же квартире жила и сестра Глеба Максимилиановича со своим мужем Старковым. Я застал всех за утренним чаепитием. Среди сидевших за столом был и незнакомый мне еще человек. Как оказалось, это был приехавший из с. Шушенского В.И. Ульянов-Ленин. Глеб Максимилианович представил меня ему как своего ученика и начинающего шахматиста.

В то время, конечно, для меня Владимир Ильич не представлял чего-нибудь особенного. По моим ребячьим понятиям это был один из политических ссыльных, которых я привык видеть в нашей семье. В моей памяти сохранились годы, более ранние годы жизни в Томске, когда постоянными посетителями отца были политические ссыльные Томска: А.М. Войцеховский, К.М. Станюкович, Д.А. Клеменц, А.А. Кропоткин и другие, а К.М. Станюкович был даже крестным отцом моего младшего брата Григория; вторым крестным был записан Григорий Николаевич Потанин, по его просьбе. Он в это время отсутствовал, но по его имени получил имя и брат.

Я тогда же заметил, что гостю - Владимиру Ильичу - оказывалось особенное внимание, озаренное каким-то светом нежной привязанности. Выполняя свое обещание, Глеб Максимилианович после чая усадил меня играть в шахматы. Во время нашей игры Владимир Ильич следил за каждым ходом игроков и после каждого неверного хода вскакивал с места, жестикулировал правой рукой, а большой палец левой руки засовывал за вырез жилетки у подмышки. Вообще был чрезвычайно, прямо как ртуть, подвижен. Игру я, как и следовало ожидать, проиграл.

После этой игры уселись играть вчетвером. Это они придумали новую, особую игру. Для этой игры шахматная доска несколько изменялась. Обычная доска имеет на каждой стороне доски по восемь квадратов; для новой же игры к каждой стороне прибавлялось по два ряда добавочно, так что углы оставались пустыми. На эти добавочные ряды со всех четырех сторон расставлялись шахматы, но уже двое белых и двое черных, белые против белых и черные против черных. Я уже не помню правил такой двоянной игры в шахматы. Мне в своей практике никогда в жизни не приходилось повторить подобной игры. В игре вчетвером приняли участие Владимир Ильич, Глеб Максимилианович, Старков и я. Я, не привыкший к такой игре, всё время делал ошибки. Владимир Ильич в продолжение всей игры очень горячился и всё время поправлял меня. Мне, малоопытному вообще в шахматной игре, а уж в этой, вчетвером, особенно было трудно, так что по окончании игры я выбыл из состава четверки и, расстроенный, ретировался домой. Больше я не видел Владимира Ильича.

Некоторое время спустя Глеб Максимилианович с товарищами ездил в с. Шушенское в гости к Владимиру Ильичу. По возвращении Глеб Максимилианович рассказывал мне, что они, едучи на розвальнях, для скоротания времени дорогой играли в шахматы

без шахматной доски и без шахмат, и то, и другое представляя в воображении. Несомненно, для такой игры нужно было иметь очень большой навык.

На помещаемой фотографии Глеб Максимилианович после одного из данных мне уроков в переулке, ведущем к протоке (фотография отсутствует - В.К.).

Раз уж зашло дело о воспоминаниях, хочу рассказать об одной экскурсии в окрестности Минусинска. Как-то Глеб Максимилианович выразил желание поехать на охоту на зайцев и тетеревов. Дело было зимой. Глеб Максимилианович предложил мне запрячь лошадь в ближайшее воскресенье и приехать за ним. Понятно, я был рад доставить удовольствие своему учителю, и в первое же воскресенье, запрягши лошадь, поехал за Глебом Максимилиановичем. Экипажем был короб из черемуховых прутьев на санях без отводина. Оказалось, что с Глебом Максимилиановичем выразила желание поехать и жена его Зинаида Павловна. Поехали. Лошадь была сытая, бойкая. Понесла, и, не слушая возжей, повернула в поперечную улицу к квартире, а на крутом повороте все мы с коробом оказались под забором в сугробе снега. Лошадь же завернула в свой двор, бывший поблизости от поворота. Пришлось идти и перепрыгивать другую, более смирную. Всё это я сделал быстро и подъехал к месту крушения. Поставили короб, уселись и выехали на протоку тем самым переулком, на котором сфотографирован Глеб Максимилианович. Протоку переехали без всякой дороги и, выбравшись на противоположный берег, поехали напрямик, без дороги, к отдаленной высокой части Татарского острова, где был лес и где я, заядлый охотник, в осеннее время добывал куропаток и тетеревов. Едучи, как я уже сказал, без дороги по неровной поверхности, невозможно было учесть каждую кочку. Короб не был привязан и неизбежно на всякой попавшейся кочке опрокидывался, а мы летели в снег. Меня это веселило, а Глеб Максимилианович сердился и заподозрил с моей стороны мальчишеский озорной умысел. Зинаида Павловна предложила Глебу Максимилиановичу отобрать у меня возжи и править самому. Такое недоверие ко мне, конечно, меня огорчило. Возжи были у меня отняты, и я должен был в глубине души переживать такое недоверие к моим кучерским способностям. Немного проехали и снова, на первой же кочке, короб опрокинулся. Все оказались в снегу. Барахтаясь, отряхиваясь, все заливались неудержимым смехом, а я больше всех. Как же, ведь с меня свалилось подозрение в предумышленном опрокидывании короба. Скоро выехали на настоящую дорогу и благополучно добрались до места остановки. Мы с Глебом Максимилиановичем, взяв ружья, разошлись в лес в разные стороны, а Зинаиду Павловну оставили с лошадью кипятить чай, предварительно, конечно, наладив таган и разложив костер. Набродившись по лесу до усталости, снег был глубокий, и не встретив никакой дичи, мы сошлись к месту остановки. Вода в чайнике всё еще не вскипела. Зинаида Павловна жаловалась, что много времени ушло на таяние снега. Ведь воды-то не было, а сколько снега не подкладывая - чайник всё пустой. Наконец, уже при нас, вода начала закипать. Зинаида Павловна начала засыпать чай, но как-то нечаянно задела за таган, чайник опрокинулся и весь кипяток, с

таким трудом и терпением собранный, вылился на костер. Велико было огорчение, так как и проголодались мы изрядно. Посмотрели друг на друга и сухомятку покушали то, что было запасено. Обратной дорогой доехали без всяких приключений.

Весной Глеб Максимилианович познакомил меня с политическим ссыльным, рабочим из Петербурга, Чекалинским. Чекалинский в ссылке поддерживал свое существование, добывая шкурки птиц и зверьков, то ли для Академии наук, то ли для какого-то музея в Петербурге, уже не помню. Мы с ним отправились на охоту на тот же Татарский остров, на заимку Сафьянова, а оттуда на один из островов на Енисее, изобиловавших выводками тетеревов. Плыли на лодке по небольшой проточке. Осенью в этой проточке воды совсем не было - она пересыхала, а в это время вода была самая высокая, полая и, что называется, «с огня рвало». Ружья наши лежали в носу лодки. Пробираясь через кусты, спускавшиеся с берегов, против бешеного течения, в одном месте ветками тальника ружья подцепило и опрокинуло. Душа замерла. Мое ружье, перевернувшись, упало на дно лодки, а ружье Чекалинского - за борт в воду. У меня зашевелились на голове волосы. Ведь для охотника его ружье не что-нибудь пустяковое. Не подберешь слова для выражения того чувства, которое охватывает человека при виде гибели ружья.

Несмотря на то, что талая вода очень холодная, Чекалинский разделся и много раз опускался в воду, нырял и шарил ногами. Глубина была ему по горло, но так и не достал ружья. Вконец расстроенные, бросив мысль об охоте, мы вернулись на заимку. Осенью Чекалинский рассказывал мне, что он ходил на место

гибели ружья и нашел его, затянутым немного песком. Ложа ружья сильно распухла, а стволы почти не пострадали. Я был несказанно рад. Всё время у меня было такое чувство, как будто я был виновен в том, что ружье утонуло. Лучше бы, думалось, мое утонуло! Не так было бы жалко.

Осенью 1899 года мой отец по службе был переведен из Минусинска в Иркутск. Перед отъездом мы с ним поехали прощаться с Глебом Максимилиановичем. Они всё это время жили на той же заимке Сафьянова на Тагарском острове, где тонуло ружье Чекалинского. После обеда Глеб Максимилианович, отец и я пошли на прогулку в лес. Местность была живописная: берег Енисея, кусты тальника, многолетние тополи, ракиты и другие кустарники. Зеленая мурава, полевые цветы и чудная солнечная августовская погода.

Остановились около одного огромного тополя и уселись у подножья его на траву. Глеб Максимилианович и отец достали из карманов портсигары и начали закуривать.

- Александр Васильевич, а что же вы Сане не дадите папиросу? Ведь он же курит! - сказал Глеб Максимилианович, обращаясь к отцу. Я вспыхнул. Я курил, правда, но только при матери.

- Я, что же, я - ничего, - проговорил отец и протянул мне портсигар. Еще больше краснея, я вытянул из портсигара папиросу, прикурил, но курить всё-таки ушел за тополь, у которого они сидели. С непривычки курить в присутствии отца мне было стыдно.

21 июля 1957 года.